

Памяти профессора М. А. Толстопятова.

(Къ 25-лѣтію со дня смерти).

Московскій университетъ со второй половины 60 годовъ прошлаго столѣтія вступилъ въ блестящую пору своего существованія. Въ 1862 году былъ введенъ Новый Уставъ, утверждавшій выборное начало при избраніи ректора, декановъ, профессоровъ. Новыя чаянія и надежды одушевили ученую корпорацію. Ректоромъ избранъ былъ при всеобщемъ ликованіи Серг. Ив. Баршевъ и оставался на этомъ посту 3 пятилѣтія. Московскій университетъ сталъ центромъ просвѣщенія въ Россіи. Въ него по преимуществу стремились молодежь по окончаніи гимназій. Талантливые профессора, какъ напр. Щуровскій, Давидовъ, Бабухинъ, Лясковскій, Захарьинъ, занимали каѣдры. Минералогія тогда еще не имѣла отдѣльнаго представителя. Ее вмѣстѣ съ геологіей преподавалъ Г. Е. Щуровскій. Такъ какъ наука эта быстро разросталась, удовлетворять ея требованіямъ одному профессору было трудно. Въ 1861 г. Щуровскій поручилъ чтеніе этого предмета своему любимому ученику Михаилу Александровичу Толстопятову. Талантливый и энергичный молодой человекъ горячо принялся за дѣло, о которомъ мечталъ еще на студенческой скамьѣ. Вскорѣ минералогія была выдѣлена въ особую каѣдру. Мих. Ал. былъ первымъ профессоромъ-специалистомъ на ней и занималъ ее въ теченіе 30 лѣтъ.

Мих. Ал. былъ родомъ изъ Василь-Сурска Нижегородской губ. Вскорѣ по его рожденіи отецъ его переселился въ Кострому, гдѣ былъ секретаремъ думы; впоследствии служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, который нѣсколько разъ посылалъ его съ конфиденціальными порученіями къ ми-

нистру внутреннихъ дѣлъ. Мих. Ал. провелъ дѣтство въ Костромѣ, гдѣ учился въ мѣстной гимназiи. Живой нравъ мальчика не мирился со школьной дисциплиной, и къ учебнымъ занятiямъ онъ относился небрежно, тѣмъ болѣе, что родители въ своей безграничной любви къ нему сильно его баловали. вмѣсто гимназiи онъ шелъ на Волгу, спокойствiе и величiе которой тогда еще не нарушалось пароходами и современнымъ коммерческимъ движенiемъ судовъ. Онъ бродилъ по ея берегу, слѣдя за разшивами, бѣлянами, парусными судами, тихо скользившими вдоль ея водъ; заходилъ въ рыбацкiя деревни, исчезнувшiя съ расширенiемъ города; даже самъ пускался въ одинокой рыбацкѣй ладѣ по Волгѣ, не боясь ни волнъ, ни непогоды; или вплавь достигалъ какой-нибудь бѣяны, проплывалъ на ней противъ теченiя нѣкоторое разстоянiе, затѣмъ спрыгивалъ съ нея и вплавь возвращался обратно, являясь домой только поздно вечеромъ къ великому безпокойству родителей.

Въ это время въ Костромѣ свирѣпствовали пожары; въ городѣ жило много поляковъ; предполагали политическiе поджоги. Напуганные жители выселялись изъ домовъ, забирали съ собой все болѣе цѣнное и располагались подъ открытымъ небомъ на берегу Волги. Необычайность такого положенiя, звѣздное небо вмѣсто крыши, мракъ, прерываемый отъ времени до времени отблескомъ пожара, рассказы о политическихъ поджигателяхъ, все способствовало развитiю въ ребенкѣ воображенiя и любви къ необычному. Въ подобной обстановкѣ жители Костромы провели 3 первыя недѣли сентября. Наконецъ пожары прекратились, и всѣ возвратились въ свои дома. Это дѣтство, вольное и наполненное необычайнаго, развило въ немъ поэтическiй элементъ, оставшiйся ему присущимъ въ теченiе всей жизни. Единственное занятiе, привлекавшее его въ то время, была музыка. Онъ страстно желалъ учиться на скрипкѣ. По его неотступнымъ просьбамъ былъ наконецъ приглашенъ учитель, но, по тому ли, что родители придавали слишкомъ мало значенiя этому искусству, вслѣдствiе ли ограниченности средствъ, учитель былъ плохой; не имѣя ни метода, ни опытности, онъ, въ своемъ преподаванiи, ограничивался темами русскихъ пѣсенъ, которыя давалъ для заучиванiя переписанными на клочкахъ бумаги, и которыя приводили ребенка въ отчаянiе. Отъ товарищей онъ зналъ, что есть скрипичныя школы, этюды, но всѣ его просьбы не измѣняли дѣла. Быть можетъ, благодаря этому онъ навсегда сохранилъ непреодолимое отвращенiе къ русскимъ пѣснямъ. Въ 1848 году умерла, отъ сви-

рѣпствовавшей тогда холеры, нѣжно любившая его мать. По смерти ея надзоръ сталъ еще слабѣе, занятія пошли еще хуже; онъ оставленъ былъ на 2 годъ въ 3 классѣ гимназiи. Тогда старшiй братъ, окончившiй уже курсъ Московскаго университета и посвятившiй себя педагогической дѣятельности, выписалъ его въ Москву и помѣстилъ въ 3 классъ Московской 3 гимназiи. Здѣсь подъ его твердымъ руководствомъ юноша принялся серьезно за ученiе. Черезъ годъ его считали среди лучшихъ учениковъ класса. Первые годы онъ особенно усердно изучалъ классическiе языки, за тѣмъ увлекся математикой. Прекрасно сдавъ экзамены 6 класса, онъ поступилъ въ Московскiй университетъ на естественное отдѣленiе математическаго факультета, что разрѣшалось тогда лучшимъ ученикамъ гимназiи. Такъ какъ число студентовъ было въ то время ограничено, ему пришлось на первый годъ записаться вольнослушателемъ. На второй годъ онъ сдѣлался стипендиатомъ и кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ-эминентомъ, — степень, теперь упраздненная. Каждый кандидатъ долженъ былъ представить сочиненiе въ доказательство способности къ самостоятельнымъ ученымъ занятiямъ. За 6 мѣсяцевъ до окончанiя курса Мих. Ал. принялся за работу и написалъ изслѣдованiе „о вулканизмѣ“. Трудъ этотъ, какъ по разработкѣ, такъ и по объему, далеко превосходилъ требованiя, предъявляемыя кандидатскимъ сочиненiямъ. Тогдашнiй деканъ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ отказался принять его, говоря, что не имѣетъ времени на просмотръ такихъ большихъ работъ. Мих. Ал. взялъ свой трудъ обратно, чтобы сократить его, и рассказалъ свое горе брату. Тотъ воспротивился сокращенiю изслѣдованiя и посоветовалъ подать его декану опять въ томъ же объемѣ, прося прочесть сколько нужно изъ какой-либо части сочиненiя. На этотъ разъ деканъ принялъ сочиненiе и передалъ его профессору Щуровскому. Григорiй Ефимовичъ прочелъ работу съ начала до конца, остался ею очень доволенъ и, видя, что тема подходитъ близко къ той, которую онъ задалъ въ этомъ году на золотую медаль „о влiянiи ядра на земную поверхность“, посоветовалъ автору прибавить еще нѣсколько главъ „о горячихъ источникахъ, землетрясенiяхъ, вѣковыхъ поднятiяхъ и опусканiяхъ земной поверхности“, чтобы приноровить работу къ заданной темѣ. Мих. Ал. послѣдовалъ совѣту и былъ удостоенъ за сочиненiе золотой медали.

По окончанiи университетскаго курса Мих. Ал. опять взялся за скрипку, но занятія были непослѣдовательными, и служили

только развлеченіемъ. Иногда среди товарищей онъ бралъ инструментъ въ руки, начиналъ съ опернаго мотива, слышаннаго имъ, развивалъ его, переходилъ отъ одной темы къ другой; часы летѣли; товарищи слушали и просили продолжать. Впоследствии, вспоминая прошлое, онъ самъ дивился, что могъ играть въ теченіе цѣлаго вечера, чтобы привлечь вниманіе слушателей. Уроки на скрипкѣ онъ сталъ брать уже профессоромъ у извѣстнаго солиста и классика К. А. Кламрота.

По окончаніи курса, въ маѣ 1859 г. Мих. Ал. былъ оставленъ физико-математическимъ факультетомъ при университетѣ для подготовленія къ профессорѣ. 20 августа того же года совѣтъ университета санкціонировалъ представленіе факультета и единогласно избралъ его въ число оставляемыхъ при университетѣ. Въ августѣ 1859 г. онъ былъ приглашенъ преподавать естественныя науки въ практической академіи коммерческихъ наукъ, гдѣ директоромъ былъ тогда извѣстный, талантливый профессоръ технической химіи М. Я. Китарры.

Въ университетѣ Мих. Ал. началъ читать лекціи съ осени 1861 года. Обладая живымъ темпераментомъ и прекраснымъ даромъ слова, онъ съ самаго начала овладѣлъ вниманіемъ своихъ слушателей, и интересъ къ его лекціямъ росъ съ каждымъ годомъ вмѣстѣ съ развитіемъ его собственныхъ знаній и лекторскаго таланта. Вступительная лекція передъ началомъ курса привлекала всегда студентовъ разныхъ факультетовъ и посвящалась обзору естественныхъ наукъ и мѣсту, занимаемому минералогіей среди нихъ. Студенты часто рукоплескали своему любимому лектору. Последняя лекція полугодія всегда заканчивалась аплодисментами. Такъ какъ этотъ способъ выраженія симпатій не одобрялся начальствомъ, субъинспекторъ часто просилъ профессора прекратить чтеніе лекцій недѣлей раньше. Студенты скоро поняли уловку и рукоплескали профессору за нѣсколько лекцій до окончанія семестра. Наконецъ послѣдній годъ его жизни каждая лекція начиналась и кончалась рукоплесканіями. Замѣчанія Мих. Ал. по этому поводу не помогали, и продолжалось это до тѣхъ поръ, пока профессоръ серьезно не попросилъ студентовъ оставить этотъ способъ выраженія ему своего расположенія, который могъ имъ самимъ навлечь непріятности; что усердное посѣщеніе его лекцій, любовь къ наукѣ и уваженіе къ университету будутъ лучшимъ для него доказательствомъ ихъ расположенія.

Въ 1868 г. нѣсколько извѣстныхъ профессоровъ рѣшили прочесть рядъ лекцій въ пользу основанія въ Москвѣ перваго

въ Россіи зоологическаго сада. Мих. Ал. былъ въ числѣ ихъ и прочелъ двѣ лекціи „объ аэролитахъ“. Имя его привлекло массу слушателей. Богатыя по содержанію, блестящія по изложенію онѣ положили начало популярности его въ Москвѣ.

Въ 1864 г. онъ осуществилъ наконецъ свое завѣтное желаніе побывать за границей, чтобы познакомиться съ тамошними методами преподаванія и сокровищами европейскихъ музеевъ. Данная ему командировка была всего на 6 мѣсяцевъ. Нельзя было много сдѣлать въ столь короткій срокъ, но съ присущей ему энергіей онъ старался использовать это время. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ хотѣлъ заняться геологіей и палеонтологіей, такъ какъ тогда не предполагалъ еще посвятить себя минералогіи, которая впоследствии стала излюбленной имъ наукой. Въ Берлинѣ геологію читалъ профессоръ Бейрихъ. При первой встрѣчѣ онъ объявилъ, что геологическій кабинетъ не открытъ для публики. Когда же молодой профессоръ сказалъ, что не считаетъ себя публикой, а пріѣхалъ изъ Москвы со спеціальной цѣлью изученія прекрасныхъ коллекцій Берлинскаго университета, проф. Бейрихъ разрѣшилъ ему посѣщать музей въ тѣ дни, когда онъ самъ занимался въ немъ, т. е. четыре раза въ недѣлю по 2 часа. Такое положеніе было очень не по вкусу Мих. Ал., но приходилось подчиниться ему. Какъ самъ онъ рассказывалъ: едва успѣвалъ онъ разобрать раковины и углубиться въ ихъ изученіе, какъ являлась невозмутимая фигура проф. Бейриха, предупреждавшая, что нужно кончать; онъ уходитъ, такъ какъ уже половина второго.

Минералогическій кабинетъ былъ открытъ тогда для публики два раза въ недѣлю. Густавъ Розе не читалъ больше „privatissime“; что же до публичнаго курса, онъ былъ, какъ онъ самъ выразился, короче того, который молодой ученый читалъ своимъ слушателямъ въ Москвѣ.

Черезъ три мѣсяца Мих. Ал. переѣхалъ въ Парижъ и былъ пораженъ богатствомъ сокровищъ, собранныхъ въ музеяхъ этого города. Въ Парижѣ онъ продолжалъ заниматься преимущественно геологіей и изучалъ парижскій бассейнъ третичной эпохи. Къ сожалѣнію, такъ скоро наступили вакаціи, и онъ покинулъ Парижъ съ горячимъ желаніемъ вернуться туда для продолженія занятій.

По возвращеніи въ Москву онъ снова приступилъ къ чтенію лекцій. Изучая коллекціи своего кабинета и самоѣ минералогію, онъ все болѣе увлекался ей и рѣшилъ наконецъ вполне посвятить себя этой наукѣ. Въ 1865 г. онъ женился

на дѣвушкѣ, съ которой познакомился на одной изъ своихъ лекцій объ аэролитахъ, и съ ней прожилъ въ полномъ согласіи и счастья 25 лѣтъ.

Въ этомъ году произошло событіе, повидимому, заурядное въ жизни университета, но которое отозвалось черезъ 45 лѣтъ злобной клеветой на Мих. Ал.: лицеистъ Вырубовъ по окончаніи курса вздумалъ заняться наукой и съ этой цѣлью пріѣхалъ въ Москву; былъ 2 года вольнослушателемъ, затѣмъ уѣхалъ за границу и черезъ годъ представилъ магистерскую диссертацию „о красящихъ веществахъ плавиковъ“, выражая желаніе, чтобы она была просмотрѣна скорѣе. Случилось такъ, что въ ближайшее засѣданіе факультета не собралось достаточнаго количества членовъ; черезъ 2 недѣли на засѣданіе не пришелъ по болѣзни самъ Щуровскій, безъ санкціи котораго нельзя было пропустить диссертацию. Приходилось отложить вопросъ еще на 2 недѣли. Вырубовъ, человекъ крайне самолюбивый, увидалъ въ этомъ интригу, даже зависть профессоровъ, рѣшившихъ не пропустить его. Возбѣшенный, онъ потребовалъ диссертацию обратно и уѣхалъ въ Парижъ. Оттуда прислалъ грубое письмо Мих. Ал. со вложеніемъ дерзкаго письма на имя Щуровскаго, которое требовалъ прочесть въ факультетѣ. Такое выступленіе было для всѣхъ неожиданно, но оно прошло бы незамѣченнымъ, если бы черезъ 45 лѣтъ Вырубовъ не вздумалъ напомнить о себѣ пасквиломъ на естественный факультетъ Московскаго университета того времени и, въ особенности, на Мих. Ал., котораго считалъ виновникомъ событія. 45 лѣтъ злоба уязвленнаго самолюбія кипѣла въ душѣ его и вылилась, когда, полагалось, никого не осталось для защиты добраго имени Мих. Ал.

Съ 1865 года Вырубовъ ни разу съ Мих. Ал. не видался, не могъ, слѣдовательно, знать ни характера дѣятельности его, ни степени учености, ни отношенія его къ студентамъ и своимъ лекторскимъ обязанностямъ. Естественно приписать всю вылившуюся въ статьѣ желчь исторіи съ представленной имъ въ 1865 году диссертацией. Вообще, Вырубовъ задался, кажется, мыслью развѣнчивать русскихъ выдающихся людей. Такъ онъ объясняетъ героизмъ и любовь къ родинѣ Штоквича и Тергукасова, героевъ Баязета, изменными побужденіями; въ „Революціонной Миеологіи“ старается набросить тѣнь на Герцена. Это отмѣчено было въ печати, все же клевета оставляетъ черный слѣдъ за собой.

Въ 1867 году Мих. Ал. представилъ диссертацию „о при-

чинахъ гетероморфизма углекислой извести“; въ 1869 году— сочиненіе подъ заглавіемъ „Общія задачи ученія о кристаллогенезисѣ“, за которое получилъ званіе доктора минералогіи и геогнозіи. Какъ самъ онъ говорилъ впоследствии, „только первый шагъ труденъ: сомнѣніе, недоувѣріе къ себѣ, страхъ передъ публичной оцѣнкой порождаютъ воображаемыя преграды; когда же начало положено, увѣренность въ своихъ силахъ растетъ, темы, вопросы являются одинъ за другимъ и только времени не хватаетъ на разработку всѣхъ ихъ“. Но онъ мало печаталъ. Онъ никогда не увлекался желаніемъ видѣть свое имя въ концѣ маленькаго мемуара, оповѣщавшаго ученый міръ о каждой мысли, всякомъ заключеніи, выведенномъ имъ изъ своихъ изслѣдованій. Глубокіе вопросы науки, обобщающія идеи исключительно интересовали его. Для разработки ихъ приходилось изучить массу матеріала, изслѣдовать многіе вопросы по математикѣ и физикѣ, которые университетскіе курсы освѣщали недостаточно для рѣшенія тонкихъ вопросовъ, его интересовавшихъ. Онъ много работалъ надъ теоріей свѣта, звука, магнетизма, и занимался другими явленіями, тѣсно соприкасавшимися съ минералогіей, этой наукой, которая, по предъявляемымъ своимъ адептамъ требованіямъ, составляетъ звено, связующее естественныя науки съ математикой.

Въ это же время онъ тщательно изучалъ минералогическій кабинетъ, которымъ завѣдывалъ. Съ утра онъ отправлялся туда и возвращался домой въ 5 часовъ усталый, но довольный. „Ни одно руководство“, говорилъ онъ, „не сообщитъ свѣдѣній столь ясныхъ, полныхъ, точныхъ, какъ изученіе самихъ минераловъ, когда умѣешь ихъ понять и разобраться въ нихъ“. Какъ говорилъ хранитель музея, „можно было разбудить его среди ночи и спросить, гдѣ находится тотъ или иной минералъ; онъ, не задумываясь, указалъ бы шкафъ и полку, гдѣ его найти“. Послѣ обѣда онъ обыкновенно отдыхалъ до 7 часовъ и затѣмъ, напившись чаю, посвящалъ вечеръ чтенію послѣднихъ изслѣдованій по минералогіи или изученію фундаментальныхъ сочиненій Наумана, Зенфта, Штрауса, Циркеля, Чермака, Розенбуша, которые были его излюбленными авторами и всегда лежали на его письменномъ столѣ. Среди счастливой семейной обстановки мирно протекала его трудовая жизнь. Единственнымъ развлеченіемъ его была музыка. Онъ игралъ хорошо на скрипкѣ, жена на рояли, и по четвергамъ у нихъ собирались артисты и друзья для исполненія камерныхъ сочиненій. Музыка перемежалась оживленными бесѣдами. Самъ

хозяинъ, воспримчивый, разносторонний и краснорѣчивый, былъ всегда душою общества. Посѣщавшіе эти вечера до сихъ поръ вспоминаютъ о нихъ съ любовью. Но, какъ говоритъ латинская пословица: „судьба къ счастливымъ завистлива“; смерть похитила у нихъ одного за другимъ троихъ первыхъ дѣтей, и понесенныя утраты наложили на него тѣнь печали, которая поэтично сливалась съ экспансивностью и врожденной веселостью его характера.

Настойчивое и глубокое изученіе минералогіи зародило въ умѣ его рядъ вопросовъ, разрѣшенію которыхъ онъ посвятилъ остальное время жизни своей. Музыка уступила свое мѣсто минералогіи, которую онъ продолжалъ изучать со страстью, свойственной его натурѣ. Приходилось собственноручно приготовить и отшлифовать сотни пластинокъ для наблюденій, подобрать препараты и кристаллы, подтверждавшіе его идеи и выводы. Весь механический трудъ лежалъ на немъ одномъ. Какъ часто онъ вспоминалъ иностранныхъ профессоровъ, которые въ лицѣ своихъ лаборантовъ, и даже студентовъ, имѣли дѣятельныхъ помощниковъ, и трудъ спорился. Ему же приходилось дѣлать все самому. Дня не хватало. Въ особенности приготовленіе пластинокъ и шлифованіе ихъ отнимало много времени. Каждый минералогъ знаетъ, насколько трудъ этотъ копотливъ и неблагодаренъ. Бывали неудачи, разочарованія, но, энергичный и увѣренный, онъ не терялъ надежды и неуклонно шелъ къ цѣли своихъ изысканій. Его всегда можно было застать за микроскопомъ, гониометромъ или шлифовальнымъ станкомъ. Множество вопросовъ возникало въ умѣ его; страстная натура стремилась къ разрѣшенію всѣхъ ихъ.

Работы надъ общими задачами ученія о кристаллогенезисѣ занимали его преимущественно. Его изслѣдованія въ этой, тогда еще новой, области минералогіи все болѣе и болѣе укрѣпляли въ немъ убѣжденіе, что минералы представляютъ собой не только извѣстные типы химическихъ соединений, но что они должны быть признаны за естественныя тѣла, одаренныя своего рода жизнью, которую нужно изучать, наблюдая проявленія этой жизни въ процессахъ кристаллообразования; что это самый надежный путь къ познанію особенностей минераловъ, какъ естественныхъ тѣлъ природы, въ созданіи и образованіи которыхъ проявляется работа весьма сложнаго комплекса силъ, и только этотъ путь ведетъ къ выработкѣ естественной классификаціи минераловъ. Работы по кристаллогенезису должны были способствовать разрѣшенію нѣкоторыхъ противорѣчій и

явленій, до того необъяснимыхъ въ минералогіи, и къ постановкѣ научныхъ вопросовъ путемъ пирамидальной теоріи кристалловъ (Криптопирамиды). Кристаллическая пирамида давала возможность опредѣлить основную форму кристалла. Явленія боковой спайности тоже объяснялись.

Предметомъ его изслѣдованій были также геликоидальные кристаллы діопсида въ эпидотахъ, включенія въ топазахъ, оптическия фигуры въ идиоциклофоновыхъ кристаллахъ, двойники въ топазахъ, астеризмъ въ бериллахъ, турмалинѣ, корундѣ и топазахъ, включенія въ каменной соли изъ Велички, округленные кристаллы березовскаго кварца, эмиморфизмъ въ правильной системѣ (Везувіанъ, Гроссуляръ изъ Вилуи), химическіе и физическіе цвѣта минераловъ.

Всѣ эти вопросы могутъ быть прослѣжены на его коллекціи кристалловъ и препаратовъ. Долгія, настойчивыя изслѣдованія подтверждали его выводы. Друзья торопили напечатать добытыя положенія или, по крайней мѣрѣ, послать свои тезисы въ запечатанномъ конвертѣ для храненія во Французскую Академію, чтобы имѣть за собой право перваго изслѣдованія; но онъ медлилъ, предпочитая вполнѣ завершить работу. Онъ предполагалъ уже въ слѣдующемъ 1890 году начать печатаніе своихъ трудовъ въ бюллетенѣ Общества испытателей природы, вице-президентомъ котораго онъ состоялъ. Его задерживали, главнымъ образомъ, рисунки, для хлопотливаго выполненія которыхъ ему не удавалось найти рисовальщика. Но дни его уже были сочтены, и теперь отъ всего этого многолѣтняго, настойчиваго, добросовѣстнаго труда остались только замѣтки да наброски, изданные по его смерти („Recherches Minéralogiques“), и коллекція кристалловъ и препаратовъ, подтверждающая его гипотезы ¹⁾.

Въ 1885 году онъ былъ назначенъ деканомъ математическаго факультета и принялъ эту должность неохотно, послѣ многихъ настояній тогдашняго попечителя графа Капниста. Новое назначеніе породило ему массу хлопотъ. Научный трудъ былъ отодвинутъ на второй планъ или, по крайней мѣрѣ, сильно замедленъ. Обязанности декана со введеніемъ новаго Устава 1884 года были очень тяжелы: профессора неохотно подчинялись нововведеніямъ, министерство торопило. Это порождало столкновенія, непріятности, вѣчную спѣлку и массу переписки, которая всецѣло ложилась на него. Здоровье его, и

¹⁾ Хранится у вдовы покойнаго. Петроградъ. Алексѣевская, 4.

такъ не особенно крѣпкое, еще болѣе распаталось. Онъ просилъ нѣсколько разъ увольненія, но настойчивые уговоры заставляли его оставаться у дѣлъ. Въ 1887 году у него стали появляться сердечные припадки. Опять онъ сталъ просить увольненія отъ обязанности декана. На этотъ разъ не рѣшились ему отказать. Онъ могъ опять отдаться исключительно научнымъ занятіямъ и профессурѣ.

Доктора совѣтовали ему провести лѣто на берегу моря. Онъ не рѣшался ѣхать на югъ: поѣздка въ Крымъ съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ младшему было 5 лѣтъ, казалась ему слишкомъ затруднительной. Оставить семью въ Москвѣ, ѣхать одному, ему не хотѣлось. Рѣшили провести лѣто на Балтійскомъ взморьѣ, въ Ревелѣ, которое не только было ближе, но и условія жизни въ немъ были знакомы, такъ какъ профессоръ провелъ тамъ съ женой лѣто 1867 года послѣ смерти сына. Они поселились въ Екатеринталѣ. Морской воздухъ, чудный видъ на Ревель, рейдъ и острова, спокойствіе, — все благотворно подѣйствовало на его здоровье и укрѣпило распатанные нервы; онъ совсѣмъ ожилъ; съ новымъ рвеніемъ принялся за изслѣдованіе оптическихъ фигуръ въ эпидотахъ и занялся наблюденіями надъ поляризацией атмосферы, пользуясь обширнымъ горизонтомъ и благопріятными условіями мѣстности. Въ 1889 году пріѣхавъ въ Ревель въ 3-й разъ, онъ снова почувствовалъ благодатное вліяніе морского воздуха и опять принялся за изслѣдованіе поляризаціи атмосферы. Для наблюденія хохолковъ въ эпидотахъ онъ заказалъ приборъ по своему рисунку, который облегчалъ рисованіе ихъ. Онъ радовался успѣшному ходу своихъ работъ и, казалось, никогда себя лучше не чувствовалъ. Но въ половинѣ іюля случилось происшествіе, которое совсѣмъ пошатнуло его здоровье: дача лежала на берегу моря; шоссеиная дорога отдѣляла ее отъ пляжа; дѣти обыкновенно гуляли и играли на берегу. Какъ-то передъ вечеромъ профессоръ съ женой вышли посмотреть на ихъ игры. Вся семья стояла поперекъ пляжа, отъ мостика купальни до скамейки у дороги. Вдругъ сзади, неслышно по песку подскакали два всадника. Одинъ изъ нихъ тутъ же своротилъ на большую дорогу; другой промчался среди стоявшихъ, задѣвъ профессора крупомъ своей лошади; по другую сторону стоялъ 5-ти лѣтній сынъ его, котораго, къ счастью, няня успѣла нѣсколько оттолкнуть. Все это произошло въ мгновеніе ока. Въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе, всадники опять съѣхались, посмѣиваясь, вѣроятно, своей дикой удали. Было ли это пари

или простое проявленіе грубости, не знаю; какъ бы то ни было, это страшно потрясло профессора. Въ первую минуту испугъ за сына, котораго онъ считалъ помятымъ лошадей, лишилъ его возможности остановить всадника. На берегу никого не было кромѣ двухъ молодыхъ нѣмокъ, сидѣвшихъ на лавочкѣ и улыбавшихся дикой выходкѣ своего соотечественника. Потрясеніе вызвало сильное біеніе сердца и кашель, носовое кровотеченіе, которое сутки не могли остановить. Нѣсколько ночей были проведены безъ сна; грозная картина несущейся на малютку лошади не покидала его. Сильная потеря крови вызвала большую слабость, отъ которой онъ не могъ вполнѣ оправиться. Онъ продолжалъ заниматься, но прогулки, даже короткія утомляли его; усиленное біеніе сердца повторялось. По возвращеніи въ Москву, онъ возобновилъ чтеніе лекцій, но не могъ быть уже столь аккуратнымъ, какъ прежде. Ночи для него становились все томительнѣе. Къ этому присоединилось въ декабрѣ воспаленіе легкаго, отъ котораго онъ, впрочемъ, оправился и нѣкоторое время чувствовалъ себя хорошо, но это была только вспышка послѣднихъ силъ. Съ 1-го февраля сонъ сталъ очень тревоженъ: онъ въ эту ночь могъ уснуть только 3 часа; слѣдующую ночь — 2 часа, затѣмъ — часъ; въ концѣ концовъ не могъ уснуть во всю ночь и найти сколько-нибудь сносное положеніе. Уже приближеніе ночи было для него мучительно. Въ 6 час. утра онъ выпивалъ обыкновенно 2 стакана крѣпкаго кофея, и это успокаивало его часа на два, но дольше лежать онъ не могъ. Такъ продолжалось два съ половиною мѣсяца; тѣмъ не менѣе днемъ онъ былъ веселъ и охотно бесѣдовалъ съ пріятелями, навѣщавшими его. Жизнь постепенно угасала. 11-го апрѣля 1890 года его не стало.

Чувство искренней любви и уваженія собрало вокругъ его гроба массу народа, друзей, товарищей, студентовъ. Гробъ былъ покрытъ цвѣтами и вѣнками. Среди нихъ выдавался серебряный вѣнокъ съ трогательной надписью: „дорогому наставнику и учителю отъ студентовъ естественниковъ и медиковъ“. Гробъ студенты несли на рукахъ изъ квартиры на Малой Дмитровкѣ до Университетской церкви, гдѣ происходило отпѣваніе. Большая Университетская церковь едва вмѣщала молящихся; многимъ пришлось стоять на галлерей, окружавшей церковную лѣстницу. Пѣть панихиду студенты захотѣли сами, и пѣли трогательно и прекрасно. Друзья и товарищи вынесли гробъ изъ церкви, затѣмъ передали его студентамъ, которые его несли до самой могилы въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Трога-

тельна была картина этого шествія: бѣлый газетовый гробъ, обвитый гирляндами зелени и цвѣтовъ, высоко поднимался надъ головами студентовъ, собравшихся проводить любимаго профессора и нелицепріятнаго наставника.

Какъ лекторъ Мих. Ал. пользовался громадною популярностью. Его способность захватывать широкія области научнаго мышленія отражалась и на характерѣ его лекцій. Изложеніе даже самыхъ спеціальныхъ отдѣловъ науки онъ умѣлъ сдѣлать живымъ и интереснымъ.

За время своей ученой и профессорской дѣятельности онъ прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій объ аэролитахъ, алмазѣ; дѣлалъ сообщенія въ Императорскомъ обществѣ испытателей природы о каменной соли изъ Велички, о топазахъ съ демонстраціями, объ аэролитѣ Пултуска и друг. На Университетскомъ актѣ 1877 года дѣлалъ сообщеніе объ организаціи минераловъ. Въ торжественномъ собраніи Общества испытателей природы въ 1888 г. произнесъ рѣчь на тему „Иллюзіи, скептицизмъ, чаянія естествоиспытателей, колебанія научныхъ идей, космическія идеи“, которая обратила на себя вниманіе за границей. Имя его и выбранная тема привлекли массу слушателей. Пришлось перенести Собраніе въ актовъ залъ университета. Трудность чтенія въ столь обширномъ помѣщеніи и такой большой аудиторіи, энтузіазмъ, вызванный его появленіемъ, несмолкаемые аплодисменты по окончаніи рѣчи, оваціи, слишкомъ дѣйствовали на него и онъ рѣшилъ не выступать больше съ публичной рѣчью. Это было его лебединой пѣснью.

Всякій обращающійся къ нему могъ съ увѣренностью ждать ласковаго пріема, полезнаго совѣта, вѣрнаго указанія въ недоразумѣніяхъ. Въ домашней жизни Мих. Ал. былъ въ высшей степени сердеченъ; съ любовью и чрезвычайной заботливостью относился не только къ семьѣ, но къ слугамъ и подчиненнымъ, что въ свою очередь порождало въ нихъ искреннюю любовь къ нему и уваженіе. Они оплакивали его какъ отца и благодѣтеля.

По смерти портретъ его былъ повѣшенъ въ Минералогическомъ кабинетѣ Московскаго университета, гдѣ онъ съ честью и любовью проработалъ 30 лѣтъ.

Матеріалы къ статьѣ

(хранящіеся у вдовы профессора).

1. Записки субъинспектора съ просьбой не допускать аплодисментовъ при окончаніи лекцій.

2. Письмо секретаря Общества испытателей природы, профессора Линдемана о блестящем избраніи Мих. Ал. въ вице-президенты Общества.

3. Письмо академика Н. И. Кокшарова.

4. Портретъ, присланный имъ Мих. Ал. съ надписью, указывающей на его искреннее уваженіе къ нему какъ ученому.

5. Некрологъ, помѣщенный въ университетскомъ отчетѣ за 1890 годъ.

6. Письмо члена Общества испытателей природы Э. Вешнякова о трогательныхъ, торжественныхъ похоронахъ и отношеніяхъ студентовъ къ Мих. Ал.

7. Письмо Э. П. Чиркина объ отношеніи студентовъ къ Мих. Ал.

8. Серебряный вѣнокъ съ цѣнной надписью, возложенный студентами на гробъ Мих. Ал.

9. Письмо Барбье-дю-Бокажа о послѣдней публичной рѣчи Мих. Ал. на юбилейномъ засѣданіи Общества испытателей природы въ 1888 году.

10. Его же письмо по поводу „Recherches Minéralogiques“ и хохолковъ въ эпидотахъ.

11. Письмо профессора Bensande изъ Лиссабона по поводу „Recherches Minéralogiques“.

12. Еще нѣсколько писемъ и отзывовъ ученыхъ.

13. Надпись Вырубова на присланной Мих. Ал. въ 1886 г. своей диссертаци: „не злопамятное воспоминаніе о когда-то въ Москвѣ не защищенной диссертаци и изъ далекихъ странъ искренній привѣтъ“.

14. Его же письмо къ вдовѣ профессора по полученіи книжки „Recherches Minéralogiques“.

15. Наконецъ, портретъ Мих. Ал., повѣшенный по смерти его въ Минералогическомъ кабинетѣ Московскаго университета.

Е. Толстопятова.

